

Иллюстрированный Журнал ЛИТЕРАТУРЫ

XXXVI г.

№ 42

Выходит еженедельно (52 № в годъ), съ приложением 40 книгъ „Сборника“, содержит соч. М. Е. САЛTYКОВА-ЩЕДРИНА и А. К. ШЕЛЛЕРА-МИХАЙЛОВА, 12 книгъ Литературныхъ и популярно-научныхъ приложенийъ, 12 № № „Парижскихъ модъ“ и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

Выданъ 22-го октября 1905 г.

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ

г. XXXVI

1905

Подписанная цѣна с достав. и перес. на $\frac{1}{2}$ года 4 р., на $\frac{1}{4}$ года 2 р.

Цѣна этого №—15 к., съ перес. 20 к.

Къ этому № прилагается: „Полнаго собрания сочиненій А. К. Шеллера-Михайлова“ книга 44.

Испорченная натура.

Повѣсть

Кн. М. В. Волконской.

(Продолженіе).

Х.

Прошло нѣсколько недѣль; Анютка попрежнему не подавала никакихъ надеждъ на выздоровленіе, но при больничномъ уходѣ, умѣло вставляемыхъ дренажахъ и искусно дѣлаемыхъ перевязкахъ чувствовала себя все же бодрѣ, лучше, чѣмъ въ пріютѣ. Запахъ отъ нея тоже уменьшился въ значительной мѣрѣ, можетъ-быть, благодаря обмыванію ранъ бензиномъ, что заставляло ее всякий разъ, когда она лежала на оперативномъ столѣ, ожидая послѣ воды этого обмыванія, «подбирать», съезживать свое блѣдо-зеленоватое исхудалое тѣло и кричать, и плакать, пока «сестра» съ безстрастно-внимательнымъ лицомъ торопливо, ватнымъ тампономъ, примачивала ея раны, потомъ вставляла выщирвшую отъ плача туттаперчевую трубочку. Перезнакомилась Анютка со всѣми въ своей палатѣ, или, вѣрнѣе, съ ней всѣ перезнакомились, и бывшая до нея, и принесенная послѣ, и вновь приносимая, но хотя всѣ были другъ къ другу и къ ней ласковы и внимательны, какъ путники, щущіе далеко въ одномъ и томъ же вагонѣ или пароходѣ, хотя многія, говоря съ ней, морщились, какъ отъ собственной боли, узнавая, что у нея, привязаться къ ней никто не привязался, какъ не привязалась и она ни къ кому. Всѣ думали главное о себѣ, о цѣли своего пути—и къ другимъ относились какъ бы мимоходомъ, съ добродушнымъ равнодушіемъ или равнодушнымъ благожеланіемъ.

Лежала Анютка теперь боль-

шею частью недвижно, съ лицомъ и руками, принявшими все болѣе коричневый оттенокъ. Глаза ея, темные, широко раскрыты, не мигавшіе, и будто отъ слабости, рѣдко закрывавшіеся, казалось, бездумно

Адольфъ Федоровичъ Марксъ († 22 октября 1904 г.). По этюду Ф. Ленбаха.

и упорно, часто въ одну точку, смотрѣли на все и на всѣхъ.

Стѣны были свѣтлыя, ровно-ровно выкрашенныя, и на нихъ ей не чудилось больше звѣрюшекъ. Не было звѣрюшекъ и фигуръ и на полу. Зато люди въ больницѣ были куда интереснѣе и разнообразнѣе, чѣмъ въ пріютѣ или у Гогольцевыхъ. Были три «сестры милосердья», и всѣ ониѣ были разныя. Одна была изъ крестьянъ. Ей было уже за 50 лѣтъ,—но сзади, судя по ея тонкой талии и быстрымъ молодымъ движеніямъ, ей нельзя было дать болѣе тридцати. Она носила очки на большихъ выпуклыхъ глазахъ, мало говорила, и когда говорила,—рассказывала одни факты; какъ такой-то или такая-то изъ больныхъ или умиравшихъ сказали ей то-то или то-то: «Сестрица, мнѣ тяжело». Или: «Сестрица, возвращайтесь скорѣе». Или: «Сестрица, у меня дома-то маль-мала меньше». Дальше рассказы сестры Дарьи не шли, особенно съ чужими. Способности обобщать больничныя или иная явленія, оцѣнивать ихъ, подмѣтать основные признаки, отыскивать связь между разрозненными фактами—у нея не существовало. Если кто изъ больныхъ съ ней заговаривалъ въ этомъ смыслѣ, на ея старомъ морщинистомъ лицѣ выражалось испуганное недоумѣніе, брови комично поднимались на лобъ, и въ глазахъ отражалось смятеніе. «Что вы меня спрашиваете? Чего отъ меня хотите?»—казалось, говорила она всѣмъ существомъ своимъ, и ее становилось жаль. Но дѣло свое сестра Дарья знала, какъ рѣдко кто. Аккуратности была образцовой, и никто лучше ея не умѣлъ дѣлать перевязокъ, безболѣзеннѣе промывать ранъ и вставлять дренажей; никто вѣрнѣе ея не зналъ температуру каждого больного, съ болѣшой заботливостью не слѣдила за ходомъ болѣзни и не былъ такъ готовъ въ каждую минуту днемъ и ночью прибѣжать и сдѣлать каждому все необходимое. Въ послѣднюю русско-турецкую войну—эта сестра была оставлена за доктора. Нетумимости и выносливости она была изумительной.

Вторая сестра—сестра Клавдія или сестра Львова, какъ она предпочитала, чтобы ее звали,—была изъ «интеллигентії». Дочь помѣщика, блестящѣе кончившая курсъ въ мѣстной гимназіи, живая, бойкая и нервно-умная, она 17-ти лѣтъ вышла замужъ за пріѣхавшаго въ ихъ губернскій городъ петербургскаго, вновь назначенаго чиновника, оказавшагося лѣтнѣемъ, кутилой, картечникомъ и пьяницей, и, промаявшись съ нимъ десять лѣтъ, родивъ двухъ несчастныхъ заморышей-дѣтей, умершихъ вскорѣ послѣ рожденія,—ушла отъ него. Единственнымъ желаніемъ этой сестры было: умереть; такъ, по крайней мѣрѣ, она думала, не сознавая, что это страстное желаніе было явнымъ признакомъ ея жизнеспособности. И она часто, съ кривившимися отъ удергиваемыхъ рѣданій губами и глазами, наполнявшимися слезами, говорила обѣ этомъ своемъ желаніи. Въ противоположность сестрѣ Дарьѣ, она умѣла живо, блестящѣе и остроумно рассказывать о видѣнномъ и слышанномъ (а видѣла она много), дѣлала оригиналъ, иногда парадоксальные, иногда полные глубины выводы и умозаключенія, и все къ чему-то стремилась недостижимому, необъятному. Ей хотѣлось передѣлать весь міръ, облагодѣтельствовать все человѣчество, пойти на какой-нибудь громадный подвигъ, но она скучала дѣйствительностью, возмущалась многимъ и въ людяхъ, и въ наукѣ, и въ жизни, и въ законахъ, и, не стѣсняясь въ выраженіяхъ, высказывала свое мнѣніе.

— Этакіе подлецы,—говорила она,—напримѣръ, перевязывая Аньотку или ей подобныхъ.—Этакихъ дѣтей плодить!.. Сибири имъ, катоги мало! Да что катогра! Ихъ лишать возможности надо имѣть потомство! А то: «негуманно, нельзя!» «Права не имѣемъ!..» А они имѣютъ право вотъ такихъ страдальцевъ въ міръ пускать?.. А еще наши прокаженные!..—переходила она вдругъ неожиданно на свою излюбленную тему.—

Была я у нихъ... Жила съ ними. Посмотрѣла: отѣлѣны, чтобы другихъ не заражали! А въ Петербургѣѣздить, по магазинамъ ходить, вещи покупать!.. Это честно, гуманно, хорошо? А еще дѣти у нихъ! Вѣдь у нихъ дѣти рождаются... Можете себѣ представить?! Не дѣти... Заживо гніющіе и другихъ заражающіе мученики! Не разсказать всего. Поживутъ нѣсколько мѣсяцевъ, иногда до семи лѣтъ дотянуть, и умираютъ, и какъ умираютъ, въ какихъ страданіяхъ!.. Это гуманно, это смѣеть разрѣшать обществу?.. Это не преступленіе? Ну, ужъ извините; я считаю это болѣшимъ преступленіемъ передъ этими несчастными, чѣмъ если бы ихъ голубчиковъ-отцовъ лишать удовольствія множиться... Подлое фарисейство и наука ваша, и законы!.. Говорить, проказа бываетъ двоякая: и въ крови, и нервная; та не заразна... А это доказано?.. Какая нервная-то, доказано? Вотъ какъ тоже туберкулы не доказаны, откуда они!.. Не доказаны!..—повторяла сестра съ ударениемъ, и по впечатлительному и выразительному лицу ея пробѣгала судорога.

Аньотка глядѣла на нее своими темными, точно налитыми чернильной влагой глазами и силилась понять, кого она бранить, кто виноватъ въ ея, Аньоткиной, болѣзни.

Третья сестра,—сестра Людмила, принадлежала къ разряду тѣхъ, которыхъ кто-то остроумно прозвалъ «сестрами жестокосердія», и которая родомъ и воспитаніемъ своимъ принадлежать къ сословію лицъ, гордящихся, что ихъ дяденька былъ дѣйствительный статской совѣтникъ или камеръ-лакей, или маменька генеральша или статская совѣтница, или камеръ-юнгфера у такой или иной высокопоставленной особы (это безразлично). Сестру Людмилу больные не любили и боялись, но начальство, по какому-то непонятному капризу или недоразумѣнію, не удаляло, а даже скорѣе цѣнило ее.

Кромѣ сестеръ, Аньоткѣ были интересны почти всѣ больныя. У окна, откуда видны ей были постепенно видоизмѣнявшіяся въ окраскѣ и оголявшіяся верхушки деревьевъ, собственно березъ, переходившихъ изъ свинцово-зеленаго тона въ золотисто-желтый,—у окна лежала миловидная женщина лѣтъ тридцати. Ея свѣтлые, густые волнистые волосы, вившіеся на лбу и вискахъ, мягкимъ сияніемъ оттѣняли блѣдное лицо, съ тонкими линіями лба, носа и губъ. Женщина эта была гдѣ-то учительницей. Она много читала, писала и получала писемъ, но съ сосѣдями, людьми необразованными, держалась молчаливо и даже слегка, можетъ-быть неумышленно, надменно. Къ ней приходили подруги, родственники и знакомые, все «господа». По вечерамъ, если все было спокойно, къ ней приходилъ иногда бесѣдоватъ и одинъ изъ больничныхъ докторовъ. Черезъ пустую отъ нея койку или кровать лежала Зина Ловкевичъ, маленькая кривобокая дѣвушка 18 лѣтъ, съ яркимъ цвѣтомъ лица. Эта дѣвушка первая заговорила съ Аньоткой, и, узнавъ, что у нея, разсказалъ, что у нея было то же, «только еще хуже: 14 ранъ. Она пять лѣтъ пролежала въ специальной дѣтской больнице, и вотъ теперь здѣсь, потому что выросла и совсѣмъ было-выздоровѣла, да вотъ съ ногой опять что-то сдѣлалось».

— И вы вѣрно выздоровѣете,—хриплымъ голоскомъ, манерно, по-птичьи, вертя головой, и улыбкой открывая дурные зубы, сказала дѣвушка и, опираясь на костьль, отошла къ своей кровати.

На столикѣ возлѣ этой кровати, а иногда и на самой постели, на одѣялѣ или подушкѣ лежалъ обломанный, нечистоплотный гребень, и стояло небольшое, рыночной работы, зеркальце. Въ это зеркальце дѣвушка постоянно смотрѣлась, проводя языкомъ по губамъ, причесывалась, прихорашивалась, завивала колечки на лбу и все время что-то неслышно приговаривала, кивая и улыбаясь самой себѣ, т. е. своему отраженію въ зеркалѣ. Ея коњкомъ было,—что всѣ на нее смотрѣть, особенно мужчины, и стоило кому-нибудь прийти въ палату, чтобы дѣвушка рассказывала потомъ, «какъ онъ, проходя мимо нея,

такъ взглянула на нее, что она вся покраснѣла». Къ ней ходили двѣ бѣдныя родственницы и изрѣдка пріѣзжала очень важная пожилая дама, пріѣздъ которой интересовалъ и вмѣстѣ пугать, волновать и радовать все больничное начальство.

Дама эта, разговаривая вообще, часто посмѣивалась добродушнымъ смѣхомъ, а рассказывая о Ловкевичъ, увѣряла, что раньше, когда кривобокая Зиночка была безнадежно больна, у нея лицо было куда интереснѣе, чѣмъ теперь... «Она любила читать божественное, молилась, и въ глазахъ у нея было что-то неземное!.. Тогда стала выздоравливать, и глаза стали слишкомъ, слишкомъ земными!..»—смѣялась дама, но все же пріѣзжала къ Ловкевичъ, привозила ей дорогие фрукты и цвѣты и всегда разговаривала и съ другими въ палатѣ; и на тѣхъ, съ кѣмъ она разговаривала, начальство начинало тот-часъ же обращать особое внимание.

Ловкевичъ рассказывала, что дама такъ любить ее, что хочетъ «усыновить», хотя у нея, Зины, есть и мать, и отецъ (судившійся за казенную растрату, и о которомъ она молила даму, чтобы та помогла ему).

Разъ къ Ловкевичъ пріѣхалъ генераль и военный докторъ, лѣчившій ее въ дѣтской больницѣ, и, разговарившись съ сестрой Львовой, которую онъ раньше зналъ, сказала, что самъ удивляется выздоровленію своей бывшей пациентки, но на ея слова, что онъ просто благодѣтель дѣвушки, отвѣчалъ со вздохомъ:

— Ахъ, правда не знаю, благодѣтель ли я или злодѣй!.. Да!.. Вѣрнѣе злодѣй. Ну, что за жизнь будетъ ея?.. А навѣрно «жить» захочетъ и еще другимъ, пожалуй, будетъ жизнь давать...

Докторъ опять вздохнулъ, опустивъ на грудь лицо, и, уходя, рассказалъ сестрѣ, что онъ уѣхалъ изъ многолѣтней практики и даже написалъ ученый трудъ (да развѣ его примутъ во вниманіе, станутъ читать!), что ничто такъ не вліяетъ на развитіе пороковъ, какъ испорченная кровь.

— Если здороваго человѣка можно еще убѣдить въ пользу, необходимости воздержанія,—то человѣка золотушного, чахоточного, прокаженнаго, алкоголика и пр., никогда не убѣдите,—грустно качая головой, говорилъ докторъ.

— А какъ же наука, доктора?—спросила сестра.

— Доктора?.. Да что они съ другой планеты?.. Съ другой кровью?.. Развѣ заказано чахоточному или алкоголику, напримѣръ, быть врачомъ?.. Развѣ не ими движется, направляется наука... Вотъ то-то же!..—отвѣтилъ медикъ.

— Ну, и какъ же тогда?—помолчавъ, спросила сестра.—Вѣдь тогда... это значить всѣмъ погибать, если они же будутъ направлять науку?..

Глаза сестры какъ бы изумленно раскрылись. Боль и точно остановка мысли и испугъ выразились въ нихъ. Докторъ пожалъ плечами.

— Ничего нѣтъ тайного, что не сдѣлалось бы явнымъ,—уклончиво выговорилъ онъ, откланиваясь, и добавилъ, уже спускаясь съ внутренней теплой лѣстницы, куда сестра проводить его:

— То, что я говорю теперь, закричать потомъ съ крыши! Я оптимистъ... Я вѣрю, что хотя и много крови прольется за каждую истину,—истина восторжествуетъ. Прощайте!—ласково закончилъ онъ, еще разъ кланяясь.

Противъ Ловкевичъ, дальше отъ Анютки, лежала дѣвочка лѣтъ 12—13-ти изъ моднаго магазина. Чистенькая, гладко причесанная, съ густыми, по шею подстриженными, темными волосами, съ прекрасными вдумчивыми глазами, дѣвочка эта страдала ушами и, послѣ сдѣланной ей трепанациі, туго поправлялась. Когда ее спрашивали о чѣмъ-нибудь: откуда она, кто ея родители,—принимая ее по виду за пріютенку,—она садилась въ постели и учили отвѣчала, повышая, какъ глухіе, голосъ:

— Я ничего не слышу, баринъ или барыня. Я глу-

хая...—и на миловидномъ лицѣ ея скользила грустная, извиняющаяся улыбка.

Рядомъ съ дѣвочкой лежала женщина-кухарка лѣтъ сорока, свалившаяся въ ледникъ съ лѣстницы и страшнувшая себѣ «нутро», по ея словамъ. На самомъ дѣлѣ у женщины отъ ушиба сдѣлалась опухоль въ печени...

Разъ въ палату, уже зимой, принесли въ «ящикѣ» растерзанную господской собакой девятилѣтнюю дѣвочку, дочь дворника изъ Лѣсного. Дѣвочка одна пробѣгала въ мелочную лавочку, посланная матерью, когда ульмскій догъ наскочилъ на нее и разгрызъ, разорвалъ. Господа держали собаку изъ баловства, безъ прока, безъ нужды, поручая ухаживать за ней прислугѣ. Дѣвочки сдѣлали 11 швовъ въ больницѣ, изъ нихъ два на лицѣ, и черезъ мѣсяцъ она вышла оттуда, обезображенная на всю жизнь.

Въ другой разъ привезли опять къ Анютѣ въ палату еще дѣвочку съ отмороженными пальцами на ногахъ. Дѣвочку эту звали Надѣй. Она была изъ «воспитонокъ» и отморозила себѣ ноги потому, что, спасаясь отъ побоевъ женщины, которой была отдана въ «дочери», уѣждала въ лѣсъ, гдѣ и провела ночь. Эту дѣвочку привезли въ Петербургъ нашедшіе ее мужики. Ей ампутировали пальцы на обѣихъ ногахъ и надѣялись, что она выздоровѣеть, но у ребенка сдѣлалась гангrena, и черезъ пять недѣль послѣ ампутаціи она умерла.

За эти пять недѣль къ ней особенно привязалась сестра Дарья, а сестра Львова, часто, перевязывая ее, громила отцовъ, бросающихъ своихъ дѣтей, и страстно проповѣдуя доктору и всѣмъ, что надо бы мальчиковъ, всѣхъ мальчиковъ извѣстнаго возраста и юношей водить по больницамъ, по всѣмъ больницамъ,—и этой, и Калинкинѣ, и другимъ—и показывать имъ: «вотъ, что дѣлается вами, вотъ послѣдствія вашихъ увлеченій, вотъ страдальцы, которыхъ вы же посылаете на мученіе!»

— Вѣрьте,—говорила, волнуясь, сестра:—если бы они въ тѣ годы, когда душа жива, когда ярки и сильны впечатлѣнія, жалость, состраданіе, если бы они тогда видѣли вотъ этихъ всѣхъ, меньше гадости было бы на землѣ. Вотъ о чёмъ матерямъ надо думать, теперешнимъ матерямъ, вотъ ихъ прямая обязанность, вотъ ихъ священная миссія, а не та, чтобы отдавать чистаго мальчика въ любую гимназію или любое училище и съ тоской ожидать, что черезъ мѣсяцъ, а то и раньше, онъ узнаетъ все, но какъ?.. Съ легкой, подлой, циничной стороны и потому будеть съ пѣсенкой «тру-ла-ла» продолжать дѣла своихъ отцовъ, дядей, братьевъ и пр., губя и себя, и свое потомство, и другихъ.

Анютка на видъ бездумно слѣдила и наблюдала за всѣмъ и за всѣми, слушала все и всѣхъ, и снова та жизнь, которую она узнала у Гогольцевыхъ, охватывала ее, будила въ ней глухіе порывы ненависти и глубокія думы, только теперѣ она находилась въ положеніи актера, котораго столкнули бы со сцены, не давъ ему кончить роли, и вѣдѣли бы смотрѣть на продолженіе дѣйствія другими. Къ больничному режиму, къ приносу новыхъ больныхъ, во всѣ часы дня и ночи, къ голосу буличника, ходившаго по коридорамъ съ большой и глубокой корзиной черезъ плечо и протяжно взывавшаго: «бу-у-лки! бу-у-лки! булки-й!»—Анютка давно привыкла, какъ привыкла ставить градусникъ два раза въ день, глядѣть на сестру, безшумно на подносикѣ разносящую эти градусники по больнымъ, потомъ собирающую ихъ и ставящую перомъ какія-то кривыя черточки на разграфленныхъ листахъ, висящихъ у изголовья каждой кровати...

Душа же ея просыпалась все къ новымъ впечатлѣніямъ и мыслямъ, и истинно, какъ говорить Метерлинкъ: «ее не надо было дважды звать на брачный пиръ».

XI.

Разъ, вечеромъ, уже послѣ Нового года, къ учительницѣ съ тонкими линіями лица пришелъ по обыкновенію докторъ. Утромъ еще онъ отнялъ у нея книгу,—

Серенада. Картина М. А. Беркоса. (Выставка картин Товарищества Художников). Авт. «Нивы».

Здѣсь бой кипѣлъ. Картина М. Малышева (XIII выставка СПб. Общества Художников), авт. «Нивы»

такъ какъ она, полу-смѣясь, полу-серъезно, объявила, что плохо спала ночь, все бредила о какой-то свѣтлой тѣни или темномъ свѣтѣ, о «свѣто-тѣни», какъ она говорила, и о здоровомъ мѣстѣ на ея ногѣ, и о болѣномъ, т. е. гдѣ была рана, и о границѣ, гдѣ сливалось здоровое тѣло съ болѣніемъ.

— И знаете... — говорила учительница, волнуясь и вмѣстѣ посмѣиваясь.— Знаете, я во снѣ просто съ ума сходила: боль и не боль; безболѣзное тѣло и больная рана. Ихъ граница: безболѣзенная рана и болѣное тѣло. Больная плоть... святая плоть... здоровая болѣзнь,—больное здоровье. Болѣть или не болѣть все одно, потому что все сливается. Все—жизнь и смерть. Имѣть здоровыя ноги, ходить или сидѣть, оттого, что на колѣнѣ рана, все одно... Но знаете, я во снѣ думаю: да, это такъ... а всѣмъ существомъ чувствую: вздоръ, вздоръ. Совсѣмъ не такъ. Не хочу болѣть. Не хочу умирать, не хочу сидѣть безъ ногъ.

Она говорила лихорадочно, возбужденно и взволнованно. Щеки ея покрылъ красивый румянѣцъ. Глаза блестѣли.

— Зачѣмъ вы читаете такія книги! — сказалъ укоризненно докторъ и, тихо взявъ отъ нея книгу, велѣлъ сестрѣ дать ей успокоительныхъ капель.

Анютка все слышала и ничего не понимала; какъ здоровая рана? Но она видѣла, что докторъ поднялъ къ своимъ молодымъ, но близорукимъ глазамъ толстую книгу большого формата, въ песочной истрапанной обложкѣ и сталъ перелистывать ее, и всѣ мысли дѣвочки сосредоточились на этой книгѣ, на странномъ боломъ пятнѣ-рисункѣ посрединѣ, и мысли ея перепутывались съ разными воспоминаніями изъ ея личной жизни.

Она видѣла приютскій дортуаръ ночью и наступающую въ немъ тьму, по мѣрѣ отдаленія отъ стѣнной лампы съ рефлекторомъ (на который глазамъ было больно смотрѣть), видѣла раны на ногахъ и фигурку молившейся Шаровой въ короткой, открытой на шеѣ и рукахъ рубашкѣ, и слышала слова Шаровой:

«Данилова, а вѣдь ты помрешь...»

Вечеромъ, когда снова пришелъ докторъ къ больной учительницѣ, Анютка опять невольно стала прислушиваться къ ихъ разговору.

Лежала она какъ разъ противъ дамы, такъ что все слышала, но разговоръ былъ еще мудренѣе, чѣмъ утромъ.

— Ни одинъ семитъ,—говорилъ докторъ (Анютка думала, что за семитъ? Семитка,—это деньги, 2 коп., а то еще хлѣбъ такой бываетъ «семикъ», а то еще трешницы или десятки. Деньги тоже. Но что за семитъ? И мысли ея уходили куда-то). — Ни одинъ семитъ, — говорилъ докторъ:—не отречется отъ своего Бога, отъ того Духа Творца, всякой видимой и невидимой красоты, которую дано человѣку понимать, чувствовать, угадывать... Есть, были и будутъ евреи-атеисты, но ни одинъ еврей не будетъ теперь язычникомъ, поклонникомъ вотъ того, кому поклоняется авторъ этой книги и, можетъ-быть, многие не-семиты...

— Вотъ результаты этого поклоненія...—понижая голову, добавилъ докторъ, указывая глазами на Зину Ловкевичъ, любовавшуюся собой въ зеркало, и потомъ переводя взглядъ на Анютку: — и за поклоненіе этому боту отцомъ или дѣдомъ, а можетъ-быть, за одно прикосновеніе губами къ невымытому стакану такого поклонника,—вотъ отвѣтчики и отвѣтчицы...

— Господи, такъ вѣдь не вѣжъ такія! — тоже невольно поглядѣвъ на больныхъ дѣвочекъ, выговорила учительница.

— Не всѣ, но множество, — перебилъ ее докторъ.— Читали вы отчеты комиссіи, посланной обревизовать голодныя губерніи. Нѣтъ? Прочтите. Оказывается, болѣе 50 процентовъ русскаго населенія заражены вотъ этимъ... а отчего? Оттого, что семитскую добродѣтель, которая ненавидѣтъ обоготовленіе скотскихъ страстей, эту семитскую религіозную добродѣтель намъ хотѣли привить

наши лучшіе люди и умы, и не смогли. Да мы все же: «дикая маслина, привитая только къ доброй».

Учительница испытующе-внимательно смотрѣла на его покраснѣвшее лицо, на его опущенные подъ очками глаза.

И вдругъ онъ снова заговорилъ:

— Этотъ вашъ авторъ...

— Отчего это мой авторъ?—взмолилась учительница.— Отчего вы все говорите: вашъ, вашъ? Развѣ я его послѣдовательница?.. Ужъ если что, такъ я скорѣе буддистка... Христіанская буддистка... Потому что христіанство такъ схоже съ буддизмомъ...

Докторъ засмѣялся.

— Вотъ то-то и дѣло,—помолчавъ, сказалъ онъ.—И вы—засыхающая вѣточка. Вы не можете спокойно прощеть или услышать какую-нибудь теорію, чтобы не пытаться, не стараться покинуть приютившій вѣсть корень и привиться къ другому. Какая сила была бы у рѣки, если бы она, отъ самаго истока, раздѣлилась на множество ручьевъ, рѣчекъ, водопадиковъ, текущихъ и бѣгущихъ, хотя и по одному наклону, но въ разныхъ направленияхъ... Ну, скажите, ну что общаго въ жизни единственнаго, разбивавшаго и побѣждавшаго состѣнія племена юноши, наслаждавшагося и побѣдами, и властью земной, и многими женщинами,—и жизнью пріемнаго Сына назаретскаго бѣднаго плотника, съ 12 лѣтъ учившаго въ синагогѣ, Которому негдѣ было голову приклонить?.. Ну, подумайте? А между тѣмъ, вы ищете этого смысла, этого «сродства». Вы радуетесь, напримѣръ, что есть легенда о матери Будды и чудесномъ зачатіи ея сына, что зовутъ эту матерь «Деваки», отъ одного корня съ дѣва.

— Да! Это замѣчательно!—вставила учительница.

Докторъ всплеснулъ руками.

— Замѣчательно!.. А развѣ не видна въ этой легендѣ, соблюдая звонкій, красивый стиль и фразеологію вашего автора (больная улыбнулась), развѣ не видна въ этой легенѣ о Деваки вѣчна, «премирная», прекрасная и тоже недодуманная дума человѣческая объ именѣ рожденія человѣка, не о томъ дѣйствительномъ, плотскомъ, которое, скажу, хоть я и докторъ, поражаетъ ужасомъ, стыдомъ, омерзѣніемъ и отчаяніемъ всякое чистое человѣческое существо, узнающее о немъ впервые, которое, если мы любимъ и уважаемъ нашихъ родителей, заставляетъ насъ въ дѣствѣ или юности переживать цѣлую духовную муку, борьбу, трагедію, цѣлый кризисъ сердечный и умственный...

Снова докторъ замолчалъ отъ избытка волненія. Свѣча горѣла на столикѣ больной. Сестра Львова въ своемъ передникѣ и апостольникѣ безшумно ходила по палатѣ, подходя то къ той, то къ другой занятой кровати.

Газовый рожокъ, спускавшійся съ потолка и ненакрытый колпакомъ, горѣлъ, шевелясь и двигаясь, широкимъ, лимонно-желтымъ съ темнымъ основаніемъ языкомъ, похожимъ на лепестокъ тюльпана...

Анютка лежала, почти не двигаясь; иногда впадала въ забытье, снова просыпалась; иногда все слышала, все видѣла и ничего не понимала, развѣ только то, что докторъ бранить учительницу «засохшей вѣткой», а она лежитъ, глядѣть на него и совсѣмъ не похожа на засохшую черную вѣтку или прутъ, а такая хорошенькая-хорошенькая...

И вдругъ они снова заговорили.

— Есть вѣчные истины, — началъ докторъ. — Новорожденнаго младенца не надо учить ъѣсть. Это знаніе, это искусство, какъ и искусство глотанія, дано ему самой природой. То же съ богопочитаніемъ. Человѣкъ, живущій съ природой, и въ природѣ,—также при рожденіи получаетъ даръ вѣрить, вѣровать,—даръ, необходимый ему для его духовной жизни и роста; какъ ъѣда для физической. Философы, ученые, деисты, атеисты и пр. могутъ питать свой духъ искусственно, черезъ разумъ, не черезъ чувство, но это будетъ только искусственнымъ питаніемъ, и будетъ только поддерживать

душу человѣка, какъ поддерживаютъ иногда искусственныя мѣры физической его организмы. Это не будетъ жизнь духа потому, что мы въ нашихъ городскихъ квартирахъ и кабинетахъ не видимъ неба, не видимъ звѣздъ, не видимъ того, что видѣли Авраамъ и Будда въ пустынѣ, въ долинахъ, въ лѣсахъ... Это какъ въ комнатѣ: чѣмъ свѣтлѣе въ ней горятъ лампы, свѣчи, газъ или электричество, тѣмъ кажется темнѣе за окнами; тѣмъ менѣе черезъ стекло видны звѣзды, луна и весь Божій міръ. Можно жить de facto въ такой комнатѣ, но чтобы увидѣть красоту мірозданія, земли, неба, надо погасить искусственный свѣтъ въ комнатѣ, и тогда черезъ то же стекло—покажутся и звѣзды, и луна, и деревья и пр.

Учительница хотѣла что-то сказать, но онъ перебилъ ее.

— Позвольте, дайте мнѣ докончить...

Анютка снова забылась на нѣсколько минутъ, снова проснулась и снова ничего не поняла, но свѣчу на столикѣ переставила, и ее интересовало теперь видѣть на стѣнѣ двойную тѣнь головы полуподнявшейся учительницы. Тѣни эти соприкасались, входили одна въ другую, но неслись. Одна была темнѣе, другая свѣтлѣе, и свѣтлая составляла будто лицо, а темноватая—закрученные на головѣ волосы, некрасиво выступавшіе далеко отъ головы.

Долго смотрѣла Анютка на эту двигавшуюся тѣнь и вдругъ вспомнила слова доктора о звѣздахъ и свѣтѣ въ комнатѣ, и что ихъ, звѣздъ, не видно, когда въ комнатѣ свѣтло; она покосилась на доктора, и тотчасъ ей представилась вся ночь: темно-бархатный звѣздный покровъ неба, когда она жила маленькой на кладбищѣ, бабушка Орѣхова, нищіе, церковь, гдѣ по субботамъ и наканунѣ праздниковъ шла «всеночная», красноватые огоньки восковыхъ свѣчей, паникадиль и лампадъ,—видныхъ за стеклами стрѣльчатыхъ церковныхъ оконъ съ желѣзными прутьями, звуки пѣнія, точно благоухающаго просфорами, и она сама, закутанная съ головой въ большой дырявый, сношенный ковровый платокъ...

Она перестала слушать то, что говорили дальше учительница съ докторомъ, перестала обращать вниманіе на то, что дѣжалось въ палатѣ. Она вся ушла въ воспоминанія.

Ей показалось даже, что пахнетъ тѣмъ морозно-душистымъ воздухомъ, которымъ пахло тогда, хрусткимъ, бѣлымъ, какъ сахаръ, и синѣющимъ въ тѣни церкви или деревьевъ снѣгомъ, платьемъ Орѣховой и другихъ нищихъ... Ей почудилось, что она на паперти переступаетъ съ ноги на ногу и опять съ ноги на ногу, и такъ долго—долго, чтобы согрѣться, и возлѣ нея стоитъ бабушка Орѣхова въ военномъ пальто. Ей вспомнилось ощущеніе отъ ласки старухи, отъ ея грубой, заскорузлой руки съ запѣлявшейся кожей, гладившей ее,

Анютку, по головѣ и лицу, вспомнились убѣжденныя слова: «потерпи, дѣвоночка, потерпи!.. Ужотко будетъ хорошо!.. Господа возьмутъ, въ пріютъ отадутъ. Аладѣями кормить станутъ. Фросинья и не видѣла такихъ аладѣевъ-то...»

И Анютка увидѣла старое, морщинистое, худое лицо, длинный мясистый носъ, наклоненный къ подбородку, голубые, выцвѣтшіе маленькие глаза... И вдругъ, затерянные гдѣ-то въ ея памяти, такъ что они казались забытыми, слова Орѣховой вспомнились ей: «луна и звѣзды на небѣ, это дырочки,—говорила Орѣхова полуслопотомъ: — дырочки, продѣланыя ангелами, милая, чтобы черезъ нихъ, т. е. черезъ дырочки, людямъ виденъ былъ неизреченый свѣтъ Божій изъ рая. Это чтобы они, люди то-ись, поглядѣли наверхъ и вспомнили, что надъ ними Богъ, и что у Него свѣтло-свѣтло, хорошо-хорошо...»

И страстно захотѣлось теперь Анюткѣ, лежа въ больницѣ, гдѣ горѣлъ искусственный свѣтъ, увидѣть небо въ дырочкахъ, изъ которыхъ льется райской свѣтъ на землю и на больницу, но штора была спущена, и чтобы поднять ее, надо было звать сестру.

Анютка застонала. Докторъ на мигъ оглянулся на нее, и потомъ продолжалъ свою бесѣду, снова поворачиваясь къ учительницѣ. А Анютка снова завела глаза и вдругъ такъ же страстно, какъ ей хотѣлось видѣть небо, только нѣть, еще сильнѣе, еще страстнѣе,—ей захотѣлось увидѣть эту милую, старую, суетливую Орѣхову, прижаться къ ней, къ ея военному пальто, почувствовать его запахъ, ея ласку.

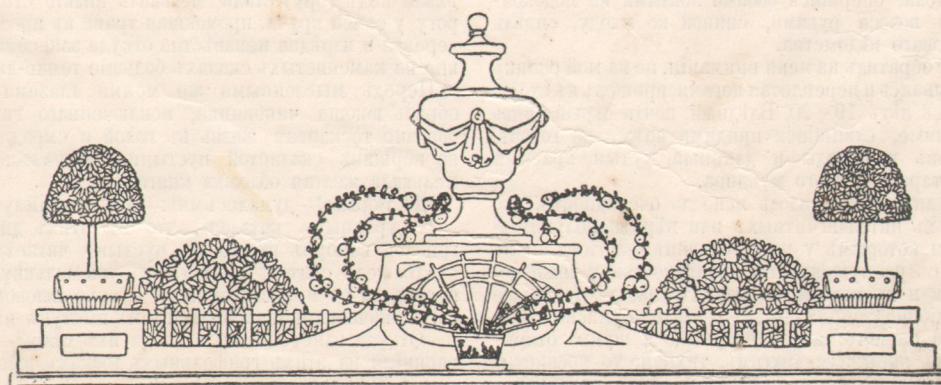
«Гдѣ-то она теперь, гдѣ?!..»—подумала Анютка.

И неожиданно ей вспомнилось солнечное, позднее утро, мальчишки-озорники, Фросинья съ закутанными Грінькой и Манюшкой, другіе нищіе у воротъ, гусаръ Авдѣевъ и «бабушка», умолявшая его взять ее, Анютку, съ собой; дрожки, на которыхъ ониѣхали, Раиса Павловна, Саша, кухня, морковка, новое бѣлье и платье, теплая вязаная, красная куртка, первый сладкій чай съ сдобными маленькими, точно лакированными булочками въ господской столовой; ласки Раисы Павловны въ первые дни и мѣсяцы, когда она, безъ всякой брезгливости, милосердно прижимала ее, Анютку, къ своей теплой, мягкой груди, и Анюткѣ казалось, что она утопаетъ въ какой-то чудной перинѣ...

«Хоть бы прїхала!.. Хоть бы прїхала!..»—взмолилась она мысленно, и въ слѣдующій же разъ, когда Пелагея пришла въ больницу, Анютка со слезами стала просить, чтобы Раиса Павловна навѣстила ее.

— На минутку, скажите ей, что на минутку!..—повторяла Анютка, раздирая сердце бывшей крѣпостной.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Къ портрету А. Ф. Маркса.

Во мглѣ и скорби дня земного
Тебя давно ужъ съ нами нѣтъ...
Угасъ твой взоръ, умолкъ привѣтъ—
И вмѣсто облика живого
Остался съ нами твой портретъ...
Твой взглядъ, твой видъ, запечатлѣнныи
Рукою мастера, для насъ,
Въ воспоминанья грустный часъ,
Живеть, какъ прежде... Въ жизни тлѣнной
Онъ не исчезъ и не угасъ...

Но ярче этого портрета
Оставилъ ты портретъ другой—
У насъ въ сердцахъ... И въ часъ иной
Твои черты въ лучахъ привѣта
Сияютъ тамъ красой живой...
Во мглѣ забвѣнія бездушной,
Ты не исчезнешь безъ слѣда,
Художникъ мошнаго труда—
Ты въ нашей памяти послушной
Нарисовалъ ихъ навсегда!

Б. Никоновъ.

Маленький лучъ свѣта.

(Отрывокъ изъ неизданныхъ воспоминаній кн. М. Волконской).

Посвящается памяти А. Ф. Маркса.

Темная, сырая комната, земляной полъ, въ углу соломенный матрацъ, глиняный кувшинъ съ водой, иногда столъ и стулья—вотъ обстановка, и въ ней узникъ—человѣкъ, иногда ребенокъ, лишенный свободы, свѣта, движенія.—Онъ сидитъ въ тюрьмѣ, и нестерпимо тяжелое кажется ему жизнь...

Тьма, тьма кругомъ, и тьма въ его душѣ... И вдругъ, сквозь деревянную щель, проникаетъ золотой лучъ солнца!..

Кто съ дѣствомъ незнакомъ съ этой картиной? У кого лучъ солнца, пробивающійся во тьму сквозь узенькое отверстіе, не вызываетъ знамаго, щемящаго чувства, не то тихой грусти, не то глубокой тоски?

Лѣтъ девять назадъ, на Кавказѣ, я вспомнила эту картину, ощущала реально, такъ сказать, эту жалость и тоску.

Мыѣхали по Военно-Грузинской дорогѣ. Была осень. Сѣѧть бѣзконечный дождь; дуль вѣтеръ, срывающий не только листья съ деревьевъ, но вырывавший съ корнями сами деревья, откалывавши куски грифельныхъ скалъ.

Осетины-кучера и «кондукторы» переходили ихъ въ бродъ, неревозили туристовъ на особыхъ тѣлѣгахъ и, съ трудомъ и остановками припрѣгали линіи лошадей, подбадриваемыхъ криками и ударами кнута, доставляли дорожные экипажи съ одного берега на другой. Терпѣлъ бѣсъ, грозно шумѣлъ и бушевалъ внизу, въ обрѣтѣ. Было холодно, и вся дорога отъ Владикавказа до Тифлиса, затянутая сѣрымъ сѣткой дождя, съ застѣнными между деревьями и скалами клочками тучъ, казалась тяжелой, утомительной длинной и далеко не красивой.

Некрасивы были оголенныя незримой, но безпощадной рукой осени горы, цѣтвомъ напоминавшія желтовато-коричневое верблюжье сукно, некрасивы отѣры грязно-блѣлыхъ овецъ, медленно ползущихъ по склонамъ, и снизу, съ дороги, напоминавшихъ наѣбкомыхъ.

Некрасивыми казались проптившіеся между скалами аулы горцевъ, сѣрые, слившіеся со скалами, похожіе на осиняя соты.

Встрѣчавшіеся намъ промокшіе люди шли угрюмые, недовольные. Если удавалось заглянуть имъ въ лицо подъ бурку, — видно было, что желаніе у всѣхъ одно: добратся до пристанища, уйти отъ этихъ обливающихся злыми, конвульсивными слезами горъ, — отъ этой промокшей дороги.

Почтовыя станціи были грязны, ступени крылецъ мокры и обѣплены комьями земли. Попы комнать затоптаны.—Въ воздухѣ, вмѣстѣ съ тепломъ, носился запахъ чада и жира.

На одной изъ станцій, съ поэтическимъ дикимъ названіемъ, я вышла изъ экипажа и, пользуясь временнымъ прекращеніемъ дождя, походила по дорогѣ, заглянула въ пропасть, поглядѣла на вымокшую одинокую молодую рабину, качавшуюся на краю бездны съ пучкомъ красныхъ ягодъ на вѣткахъ, и попала въ почтовую контору.

Скучная сѣрая комната, полная специфического запаха махорки, пыли, сургуча, сапогъ и чего-то непередаваемаго, встрѣтила меня. Недалеко отъ двери стоялъ письменный столъ, крытый kleenкой. На столѣ оловянная чернильница и большая шнуровая книга. У окна, по ту сторону стола, опершись обоями локтями на подоконникъ, схватившись за волоса руками, спиной ко входу, сидѣлъ юноша въ формѣ почтоваго вѣдомства.

Когда я вошла, онъ не обратилъ на меня вниманія, но на мой окликъ нехотя всталъ и, пошатываясь и переплетая ногами, пришелъ къ столу.

На видъ ему казалось лѣтъ 19—20. Бѣлѣній, почти сѣрый цвѣтъ лица, блѣлокурые, длинные, сплюшіеся прядями волоса на головѣ, полное отсутствіе усовъ и бороды и длинныя, худыя, красныя руки, торчавшія изъ стараго, чужого мундира.

При взглядѣ на его лицо становилось ясно до очевидности, что онъ былъ одинъ изъ тѣхъ интеллигентныхъ или вѣрѣніе полуинтеллигентныхъ людей, имя которымъ у насъ, славянъ, — легіонъ, — и въ которыхъ даровитость съ распущенностью, халатностью и нежизнеспособностью—отдѣлена и въ ихъ, и въ чужихъ глазахъ такой же едва уловимой демаркаціонной линіей,—какъ гений отъ сумасшествія.

Я стояла и смотрѣла на него, а онъ небрежно и шумно открывалъ и закрывалъ одинъ ящики за другимъ, тихъ не то посвистывалъ, не то шипѣлъ и бормоталъ какія-то слова, что вотъ, моль, чортъ ихъ знаетъ, куда онъ дѣлъся, — и все не находилъ марокъ. Наконецъ со вздохомъ и со словомъ: «сейчасъ», — онъ исчезъ. Я стояла и ждала, озабоченно замѣчая всю обстановку и наблюдая за всѣмъ происходившимъ.

«И какъ тутъ живутъ? — думала я. — Да, ужъ жизни...»

И сѣрая сумрачная почтовая контора съ ея специфическимъ запахомъ показалась мнѣ еще грязнѣе, сумрачнѣе и безвоздушнѣе, чѣмъ прежде.

Между тѣмъ почтовый чиновникъ-юноша вернулся и снова началъ шумно отпирать и запирать ящики стола и конторки.

— Нашли! — вырвалось у меня невольно, когда неожиданно въ его рукахъ очутились блестѣвшіе kleемъ на сѣроватой изнанкѣ листки почтовыхъ марокъ.

— Нашелъ, — отвѣтилъ онъ и сталъ объяснять, какъ «затеряется» марки:

— Положишь ихъ, а Иванъ Ивановичъ пришелъ, переложилъ, ну, вотъ и ищешь, ищешь!..

— А что, очень вамъ скучно здѣсь? — спросила я, когда онъ кончилъ говорить.

— Тюрьма! — отвѣчалъ онъ однимъ словомъ, но съ такимъ выраженіемъ, котораго не забыть. — Видите, я здѣсь недавно, всего четвертый мѣсяцъ, — продолжалъ онъ. — Лѣтомъ все еще было ничего, хотя тоже скуча, но теперь такое началось... а вѣдь теперь только осень... Зимой, говорить, обвалы, по недѣльямъ души человѣческіе не увидишь...

Онъ усмѣхнулся и добавилъ:

— Я вѣдь исключень изъ гимназии... Служу здѣсь изъ-за куска хлѣба...

Наступило молчаніе. За мной пришли. Лошади были готовы. Надо былоѣхать.

— А что вы тутъ дѣлаете, чѣмъ развлекаетесь? — спросила я, прощающая съ юношемъ.

— Что дѣлаю? — Да вотъ читаю, — притворно-небрежно отвѣтилъ юноша и протянулъ руку къ окну. — Иначе бы повѣситься можно!

Она снова усмѣхнулась.

— А интересно? — спросила я, чтобы сказать что-нибудь и чѣмъ-нибудь подбодрить его.

— Какъ вамъ сказать? — равнодушно протянулъ онъ и тотчасъ болѣе естественно добавилъ: — Одно слово... Этимъ живу!.. Съ недѣли на недѣлю...

Онъ взялъ съ окна тетрадку и потрясъ ею въ воздухѣ.

— Что это? — полюбопытствовала я. — Что за журналъ?

Юноша сложилъ развернутыя страницы. Передо мной мелькнула обложка «Нивы».

Черезъ минуту десять мы отѣзжали отъ станціи. На крыльѣ стояли горцы. Въ окнѣ почтовой конторы видѣлся молодой почтовый чиновникъ. Дождь снова начиналъ сѣять.

Чиновникъ сидѣлъ, опершись локтями на подоконникъ, захвативъ голову обѣими руками...

Передъ моими глазами все быстрѣе и быстрѣе (такъ какъ мыѣхали подъ гору) стали мелькать низкіе столбы, окаймлявшіе дорогу у самой кручи, промокшая трава въ пространствѣ между линіи, деревья и изрѣдка неизвѣстно откуда занесенные и пышно расцвѣтіе на каменистыхъ скалахъ большие темно-лиловые колокольчики...

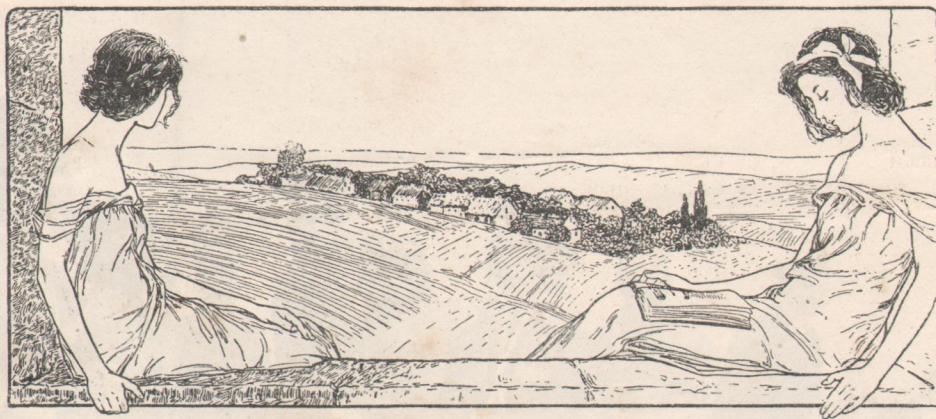
Передъ мыслимыми же моими глазами неотступно носился образъ юноши чиновника, исключеннаго гимназиста, — его однобразно тоскливая жизнь въ голой и смрадной почтовой конторѣ, на вершинѣ скалистѣ пустыни, слышалось слово «тюрьма!» — и мелькала желтая обложка книги.

«Да, тюрьма! — думалось мнѣ: — и маленький лучъ свѣта! Маленький!..»

И страннымъ казалось, что въ этихъ дикихъ горахъ, въ этой грязной каморкѣ кто-то въ пустынѣ читаетъ книгу, этимъ живъ.

«Вышелъ сѣять сѣять», — вдругъ мелькнуло у меня въ мысляхъ и слилось съ представлениемъ о ярко-лиловомъ кустѣ *iris pseudocorus*, качавшемся на скалистѣ пустыни, слышалось слово «тюрьма!» — и эта мысль связывалась съ другимъ:

Да, какъ велика заслуга того популяризатора русскихъ авторовъ, который помогаетъ жить вотъ тѣмъ юношамъ, какого я только-что видѣла, и сколько такихъ никому неизвѣстныхъ юношъ и не-юношъ въ Россіи...

Къ портрету А. Ф. Маркса.

Вѣтеръ надъ нивою просторной гуляетъ,
Вѣтеръ минувшіе дни вспоминаетъ:
— Много годовъ пронеслось надъ тобою,
Тучная нива, просторная нива!
Тридцать пять лѣтъ полосой золотою
Блещешь подъ солнцемъ ты русскимъ красиво...
Гдѣ же, скажи мнѣ, твой дѣятель—
Честный твой пахарь и сѣятель?
Помню я: шель онъ съ богатой юношней,
Несся къ нему я свободною птицей;
Онъ говорилъ мнѣ: — «Неси мои зерна,
Дальше неси, подхвативъ ихъ съ собою—

Въ сельской глухи на Руси, на просторной,
Брось мои зерна на лоно земное!..
Тучу гони къ нимъ дождливую,
Чтобы пролилася надъ нивою!..»
Мчится надъ нивою вѣтеръ свободный,
Плачетъ и стонеть въ тоскѣ безысходной!
— Очи знакомыя, свѣтлыя, гдѣ вы?..
Гдѣ ты, знакомый, привѣтливый голосъ?..
Въ тридцать пять лѣтъ поднялися посты, —
Гнется къ землѣ переполненный колосъ...
Гдѣ же, о нива, твой дѣятель—
Мощный твой пахарь и сѣятель?..

Г. Аркадьевъ.

Доброе старое время.

Старики, какъ извѣстно, любятъ хвалить ту эпоху, въ которой они играли активную роль на томъ или другомъ поприщѣ дѣятельности, и съ большимъ удовольствиемъ противопоставляютъ современности «доброе старое время», когда люди были здоровы физически и нравственно, когда царили добрые простые нравы, когда вообще жилось хорошо и беззаботно. Въ молодости мы обыкновенно относимся довольно скептически къ сътворяніямъ старииковъ, но когда сами достигаемъ преклонныхъ лѣтъ, то невольно воспринимаемъ ихъ точку зрѣнія и въ свою очередь принимаемъ курить симіамъ «доброму старому времени».

Посмотримъ, однако, насколько «добрая старая времена» дѣйствительно добры, насколько они заслуживаютъ тѣхъ похвалъ, которыя расточаются по ихъ адресу.

«Сильный приrostъ населения» — вотъ одинъ изъ тѣхъ факторовъ современной государственной жизни, который съ одной стороны какъ будто озабочиваетъ правительства старыхъ государствъ Европы, съ другой стороны является въ некоторомъ родѣ предметомъ гордости, — такъ какъ эти государства не безъ тайного сознанія своего превосходства посматриваютъ на бѣдную Францию, которая не можетъ похвальиться большими числами рожденій.

Доброе старое время, однако, не имѣло ровно никакихъ оснований похвастать «плодовитостью». Германия, напр., до четырнадцатаго столѣтія была весьма слабо населена, хотя въ то время не было ни крупныхъ городскихъ центровъ, ни фабрикъ, ни заводовъ, ни желѣзныхъ дорогъ, не было острой борьбы за существование, словомъ, не было всѣхъ тѣхъ условій, которыя такъ разрушительно дѣйствуютъ на нерв-

ную систему современного человѣка; и несмотря на это, смертность въ то время была поразительно велика, люди не имѣли тогда никакого представленія о санитаріи и гигиенѣ, и гибли во множествѣ отъ различныхъ заболеваній, съ которыми совершенно не умѣли бороться. Холерныя и чумныя эпидеміи были самыми обычными явленіемъ; появляясь въ одномъ какомъ-нибудь пункѣ, они быстро захватывали обширные районы, гдѣ свирѣпствовали съ необычайной силой, уничтожая тысячи и десятки тысячъ человѣческихъ жизней. Смертность была такъ велика, что мертвыхъ не успѣвали хоронить, и трупы по пѣскошлюзу дней валялись на улицѣ, заражая міазмами окружающій воздухъ на большое пространство вокругъ. А теперь, несмотря на весьма оживленный торговыя сношенія въ Свѣтскомъ вообще и съ Индіей въ частности, Европа почти забыла объ этихъ страшныхъ эпидеміяхъ, которые по всей справедливости носятъ название «бича Божыаго». Въ настоящее время, если въ томъ или другомъ мѣстѣ обнаруживается «подозрительный случай», то, благодаря своевременно принятымъ пѣлесообразнымъ санитарнымъ мѣрамъ, зараза, случайно занесенная издалека, быстро уничтожается въ самомъ началѣ.

А какъ лѣчились въ доброе старое время? Наиболѣе употребительнымъ, такъ сказать, универсальнымъ средствомъ, полагавшимся отъ всѣхъ болѣзней, было кровопусканіе, практиковавшееся повсемѣстно въ Европѣ до первой половины прошлаго столѣтія. При пораненіяхъ всякаго рода лучшимъ перевязочнымъ материаломъ считалася паутина, въ цѣлительную силу которой наши крестьяне, между прочимъ, вѣрять и до сихъ порь. Даѣте, прочно

Юбилейная выставка въ память 50-лѣтія Севастопольской обороны.
Видъ зданія выставки въ саду Народного дома Императора Николая II, въ С.-Петербургѣ. По фот. авт. «Нивы».

Герои Севастопольской обороны—офицеры и нижние чины въ историческихъ костюмахъ.

держалось убѣженіе, что въ послѣродовомъ періодѣ самыми опасными врагами роженицъ являются... чистота и свѣжая вода; вотъ почему родильная горячка, встрѣчающаяся теперь, какъ исключеніе, была самымъ обычнымъ явленіемъ въ сравнительно недавнее время. Вѣдь только въ 1860 году талантливый, къ сожалѣнію, очень рано похищенный смертью, д-ръ Земмельвейсъ впервые высказалъ мнѣніе, что родильная горячка принадлежить

къ числу инфекціонныхъ болѣзней. Въ то время, однако, извѣстнѣйшіе медицинскіе авторитеты, между прочимъ, и самъ Вирховъ, только начинавшій еще приобрѣтать имя, съ обиднымъ пренебреженіемъ отнеслись къ работамъ молодого врача и осмѣивали его «сумасбродный идеи». Хотя Земмельвейсъ и окончилъ свои дни въ домѣ для умалишенныхъ, однако справедливость его «сумасбродной идеи» была впослѣдствіи блестящѣ доказана цѣлымъ рядомъ на-

Герои Севастопольской обороны—офицеры и нижние чины въ историческихъ костюмахъ.

Юбилейная выставка въ память 50-лѣтія Севастопольской обороны въ С.-Петербургѣ. По фот. авт. «Нивы».

блуденій и экспериментовъ и теперь, конечно, никѣмъ уже не оспаривается.

Филиппина Вельзеръ, супруга аугсбургскаго эрцгерцога Фердинанда, о которой современники говорили, что она понимаетъ въ медицинѣ больше, чѣмъ любой врачъ изъ Падуи, написала въ свое время руководство для хозяекъ, въ которомъ рядомъ съ наставленіями, касающимися гастрономіи, привела цѣлый рядъ медицинскихъ рецептовъ и советовъ. Въ качествѣ «легкаго» блюда для роженицъ авторъ советуетъ, между прочимъ, яблочные пироги, приготовленные на салѣ.

Филиппина Вельзеръ и ея супругъ эрцгерцогъ Фердинандъ стра-
дали же лудкомъ,—можетъ-быть, вслѣд-
ствие употребленія очень «легкихъ»
блюдъ, и для поправленія здоровья
отправились на воды въ Карлсбадъ.
Тутъ они стали лѣчиться, но облег-
ченіе не получили, что, впрочемъ,
никако не удивительно, такъ какъ
супруги слѣдовали довольно стран-
ному на нашъ взглядъ методу лѣче-
нія: купаясь вначалѣ по 1 часу въ
день, они постепенно довели время
купанья до 6 часовъ, и при этомъ
выпивали по 20 большихъ стакановъ
воды! Надо удивляться только,
какъ при такомъ лѣченіи они оконча-
тельно не разстроили своего здоровья.

Люди въ «добре старое время»
были въ общемъ, несомнѣнно,
сильнѣе и выносливѣе, чѣмъ тѣ-
перь, но это объясняется очень
просто: при тѣхъ антисанитарныхъ
условіяхъ, въ которыхъ они жили,
выживали только самые крѣпкіе,
самые закаленные организмы; всѣ
остальные, болѣе слабые и менѣе
при способленные, а такихъ, какъ
надо полагать, было не мало,—
сметались съ лица земли много-
численными болѣзнями, болѣзнетвор-
ная начала которыхъ — ми-
кобы, бациллы и т. д.—находили
прекрасную почву для своего раз-
вития въ окружающей средѣ.

Чистоту въ добре старое время
признавали очень мало. Камен-
ныя или деревянныя мостовыя—
продукты новѣйшаго времени:
раньше онѣ попадали въ видѣ
исключенія въ столицахъ, и то
лишь въ изѣбѣстномъ районѣ,
именно на главныхъ улицахъ. Въ
дождливые дни дамы вовсе не выходили изъ дома, изъ опасенія
застрять въ глубокой липкой грязи. Улицы, изъ которыхъ многія
представляли собою складочное мѣсто для отбросовъ всякаго рода,

Студенты на войнѣ.—Студентъ восточного института Н. В. Жижинъ, драгоманъ штаба 3 арміи.—Адъютантъ штаба 3 арміи ротмистръ Н. Н. Ладакъ.—Студентъ восточного института А. Н. Петровъ, драгоманъ штаба 3 арміи, георгиевский кавалеръ.

Въ авангардѣ 3 Сибирскаго армейскаго корпуса, во время наступленія японцевъ. Охотники 22 Восточно-Сибирск. полка стрѣляютъ по непріятельскому посту. По фот. В. Апухтина, авт. «Нивы».

Развлеченія нижнихъ чиновъ на войнѣ. Стрѣлокъ Станисъ, бывшій
артистъ театра «Соловцовъ» въ Кіевѣ, рекламируетъ малороссійскія
стихотворенія. По фот. В. Апухтина, авт. «Нивы».

Развлеченія нижнихъ чиновъ на войнѣ. Старшій унтер-офицеръ 9 роты 22 Восточно-Сибирскаго Стрѣлковаго полка Рейнгольдъ Бухгольцъ, бывшій до призыва атлетомъ въ циркѣ, развлекаетъ атлетическими упражненіями своихъ товарищъ-одноротцевъ. Во время войны онъ былъ раненъ: разъ—тяжело девятыю пулями, и разъ—третяя пулями. По фот. В. Апухтина, авт. «Нивы».

ночью дѣлались далеко не безопасными, такъ какъ становились ареной дѣятельности «темныхъ элементовъ» городского населения. Промышлявшихъ разбоемъ чуть ли не на глазахъ властей. Освѣщеніе улицъ въ прежнее время не считалось нужнымъ; первые уличные фонари, въ которыхъ горѣли тусклыя масляные лампы, появились впервые въ 1720 г., въ правление регента, тратившаго на свои празднества и увеселенія баснословные суммы. И Версаль, сказочный дворецъ Версаль, изумлявшій міръ своей необыкновенной роскошью, не имѣлъ ни одного изъ тѣхъ необходимыхъ укромныхъ уголковъ, которые съ болѣшимъ или менѣшимъ числомъ соотвѣтствующихъ приспособленій встрѣчались теперь въ каждомъ маломъ благоустроенному домѣ.

Магистратъ Мюнхена, города, который никогда особой любовью къ чистотѣ не отличался, получилъ недавно прошеніе, покрытое множествомъ подписей, где жители, указывая на недостаточность существующихъ въ настоящее время 35 городскихъ общественныхъ бань, требуютъ возведенія еще изъ школьныхъ подобныхъ учрежденій въ различныхъ частяхъ города. А въ доброе старое время врядъ ли во всей образованной христіанской Европѣ можно было насчитать тридцать бани!

Въ этомъ отношеніи уже несравненно выше стоялъ Востокъ, где религіозная обрядность съ одной стороны и климатъ—стъ другой требовали отъ человѣка заботъ о содержаніи въ чистотѣ своего тѣла. Охваченные религіознымъ пыломъ, но въ общемъ весьма нечистоплотные, крестоносцы только тогда узнали о существованіи такихъ благодѣтельныхъ учрежденій, какъ бани, когда лицомъ къ лицу столкнулись съ культурой «невѣрныхъ», отъ которыхъ и научились многому. Послѣ крестовыхъ походовъ начали и въ Европѣ появляться то въ томъ, то въ другомъ городѣ общественные бани, но населеніе встрѣчало ихъ появление не совсѣмъ дружелюбно. Общественное мнѣніе было противъ нихъ: благочестивыя матери семействъ никогда тамъ не появлялись изъ опасенія навлечь на себя нарека-

Проф. М. Курловъ, ректоръ томского университета.

Проф. В. А. Фаусекъ, директоръ Высшихъ женскихъ курсовъ въ Петербургѣ.

Проф. кн. А. Г. Гагаринъ, директоръ политического института въ Петербургѣ.
По фот. авт. «Нивы».

Первые выборные ректоры нашей высшей школы.

иа со стороны окружающихъ, такъ какъ бани считались учреждениемъ непристойнымъ; бывать въ нихъ значило въ то время стать въ разрядъ женщинъ легкаго поведенія, которымъ разбрѣжалось все... вплоть до посѣщенія бани включительно.

Гигиенические и эстетические результаты такого взгляда на чистотность не трудно угадать. Кожа загрязненного тѣла, въ концѣ концовъ, начинала издавать неприятный запахъ, и чтобы заглушить его, француженки высшаго общества истребляли въ огромномъ количествѣ духи, ароматныя воды, душистыя помады и т. д. Воспользоваться самимъ простымъ и вѣрнымъ средствомъ—водою имъ не приходило въ голову. При блестящемъ дворѣ Людовика XIV гавалеры и дамы появлялись не иначе, какъ въ перчаткахъ, и, какъ утверждаютъ современники, дѣлали это не изъ особой любви къ щегольству, а для того лишь, чтобы прикрыть подчасъ довольно грязныя руки.

Дурные зубы, сыпи на лицѣ и другіе виѣшніе дефекты были довольно распространены среди представителей high life'а доброго старого времени.

Цезарь Борджіа, знаменитый бонвиванъ эпохи Ренессанса, счи-
тавшійся элегантнѣйшимъ кавалеромъ аристократическихъ салоновъ,
появлялся на балахъ въ неизмѣнной бархатной маскѣ, которую
одѣвалъ для того, чтобы скрыть свое обезображенное сыпью и пятнами лицо, а также дурные зубы. Скверные зубы имѣлъ также ко-
роль-солнце, великолѣпный Людовикъ XIV, чѣмъ и обусловливался
дурной запахъ изо рта; кроме того, Roi-Soleil имѣлъ обыкновеніе
проливать изъ стакана, изъ которого пиль. Эту дурную привычку онъ пріобрѣлъ по неволѣ, послѣ того какъ придворный хирургъ при
операциіи извлечения зuba отломилъ ему кусокъ нижней челости.

Жозефина Бонапартъ также не могла похвастать красивыми зу-
бами: супруга маленькаго капитана отлично знала, почему она под-
жимала губы сердечкомъ, когда улыбалась. Несмотря однако на
этотъ дефектъ, съ которымъ въ настоящее время ни одна свѣтская
женщина не могла бы примириться, Жозефина считалась обще-
признанной красавицей и имѣла массу поклонниковъ.

Ея знаменитый супругъ во время итальянскихъ походовъ заразился чесоткой, отъ которой онъ долго не могъ отѣлаться. Но, по-видимому, эта кожная болѣзнь была довольно распространена въ

обществѣ того времени, и на нее смотрѣли сквозь пальцы; Бона-
парта боготворили какъ женщины, такъ и мужчины, и даже злѣйшие
враги его, громившіе его недостатки и не упускавшіе случая
уязвить его, никогда не касались этого довольно непріятнаго, если
смотрѣть со стороны, дефекта, не придавая ему, очевидно,
никакаго значения.

Наши предки были развиты физически куда болѣе насть,—слышится отовсюду,—а мы, ихъ потомки, явно-де вырождаемся. Наше
время такъ и называется эпохой вырожденія. Однако почему же
сохранившіеся отъ прежнихъ временъ предметы вооруженія, ко-
торые можно видѣть въ музеяхъ: панцири, кольчуги и пр. оказы-
ваются и короткими, и узкими для нашего «средняго» солдата? И
потомъ, что значитъ сохраняющіяся по традиціи представленія о
«тридцатилѣтнѣй старой дѣвѣ, сорокалѣтнѣй матронѣ, пятидеся-
тилѣтнѣй старушкѣ? Современные женщины не признаютъ такого
произвольного распределенія по графамъ. Каждому извѣстно, что
наши дамы и въ сорокъ лѣтъ не утрачиваютъ еще способности
нравиться, а нѣкоторыя, особенно хорошо сохранившіяся, не сѣла-
зываютъ оружія и въ пятьдесятъ.

Скажемъ еще нѣсколько словъ сбъ изысканныхъ манеръ, ко-
торыя, какъ говорятъ, составляли отличительный признакъ джентль-
меновъ доброго старого времени. Правда, по отношенію къ пре-
красному полу галантность съ виѣшней стороны, по крайней мѣрѣ,
была доведена до крайнихъ предѣловъ: рыцари безъ страха и
упрека, какъ, напр., прославленный Ульрихъ фонъ-Лихтенштейнъ,
не только воспѣвали своихъ дамъ въ стихахъ и устраивали имъ
серенады въ лунные ночи, но даже, какъ увѣряютъ современники,
пили воду, которую онѣ мылись,—подвигъ не маловажный, если
принять во вниманіе, что представительницы аристократическаго
общества того времени имѣли довольно смутное представленіе о
гигиѣнѣ и чистотѣ. Галантные рыцари, доводившіе обожаніе своихъ
дамъ до смѣнишаго, врядъ ли, однако, были бы терпимы въ совре-
менномъ обществѣ, такъ какъ имѣли много несалонныхъ привы-
чекъ—напр., есть пальцами.

Въ Европѣ о существованіи вилокъ узнали лишь въ XII в.: онѣ
составляли часть приданаго, которое привезла византійская прин-
цесса, вышедшая замужъ за знатнаго венецианца.

Проф. П. С. Косовичъ, директоръ лѣсного института въ Петербургѣ.

Проф. А. Е. Лагоріо, директоръ варшавскаго политехническаго института.

Проф. В. Я. Косяковъ, директоръ института гражданскихъ инженеровъ въ Петербургѣ.

Первые выборные ректоры нашей высшей школы.

Но на вилки смотрѣли, какъ на предметъ изысканной роскоши, и поэтому онъ не получили распространенія, тѣмъ болѣе, что на нихъ почему-то ополчилось духовенство, строго осуждавшее въ проповѣдяхъ ненужную затѣю. Въ Германии вилки появились въ 1493 г., когда Бланка Сфорца сдѣлалась супругой Максимилиана I, но такъ же, какъ въ Венеціи, за предѣлами небольшого фешенебельного круга, группировавшагося около двора, онъ признаніе не нашли, и только въ 18 столѣтіи вилки постепенно начинаютъ входить въ всеобщее употребленіе.

Любопытны также правила, которыми согласно этикету нужно было руководиться участникамъ званыхъ обѣдовъ. Запрещалось бѣть руками, предписывалось обгладанныя косточки класть рядышкомъ на тарелку, а не бросать ихъ на полъ или швырять въ голову соѣда, и не ковырять въ носу.

Марія-Терезія, какъ известно, была вынуждена издать строгій приказъ, воспрещавшій офицерамъ сморкаться въ рукава мундира въ то время, когда они сидѣли за столомъ королевы.

Что касается моды, то въ прежнее время она не была ни гигієнической, ни дешевле, ни скромнѣе, чѣмъ теперь. Дамы доброго старого времени, слѣдя требованіямъ моды, то перетягивали грудь такимъ образомъ, чтобы она приняла форму плоской доски, то, наоборотъ, обнажали ее съ такой откровенностью, о которой въ настоящее время и представленія не имѣютъ; онъ носили огромныя тяжелыя прически, имѣвшія самыя замысловатыя формы, напр., форму корабля и проч., ходили въ маленькихъ туфелькахъ, снабженныхъ громадными каблуками, одѣвались въ платья со стальными обручами и т. д.

Когда подъ вліяніемъ Бонапарта, желавшаго поддержать только-что народившуюся во Франціи шелковую промышленность, Жозефина отмѣнила декольте и ввела въ моду новыя, такъ-называемыя «закрытыя» платья, придворные дамы были весьма огорчены и съ большими неудовольствіемъ подчинились требованіямъ новой моды.

Это нововведеніе вообще не было популярно въ обществѣ: въ 1803 г. въ «Journal du monde élégant» появилась статья, въ которой авторъ, сѣтуя на новые порядки, откровенно замѣчаетъ, что отмѣна декольте лишаетъ мужчинъ извѣстной доли эстетическихъ наслажденій.

Наше время далеко, конечно, отъ совершенства, но «добре старое» отстоитъ отъ него еще дальше, и поэтому жалѣть объ его исчезновеніи совсѣмъ не приходится.

„Здѣсь бой кипѣлъ“.

(Рис. на стр. 825).

Картина М. Малышева, появившаяся впервые на XIII выставкѣ Спб. Общества Художниковъ, написана подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ событий минувшей войны.

«Здѣсь бой кипѣлъ»... Сражались въ огнь и дыму тысячи воиновъ.

новъ, падали на землю окровавленныя тѣла, ревѣли и разрывались орудія и снаряды... Тсперь же здѣсь все тихо и пусто. Брошенныя укрѣпленія занесены снѣгомъ, живые ушли, мертвые погребены... И вѣтъ холода смерти, отчаянія, забвенія отъ этой опустѣвшей арены, где лизалась человѣческая кровь. И невольно думается: «Слава Богу, что миръ, какой бы онъ ни былъ, заключенъ, и эта картина уже не повторится болѣе въ дѣйствительности, по крайней мѣрѣ, въ теченіе ближайшаго времени».

Т. Н. Грановскій.

(Портр. на этой стр.).
4 октября исполнилось пятидесятилѣтие со дня кончины знаменитаго русскагоченаго 40-хъ годовъ, профессора всеобщей истории Тимофея Николаевича Грановскаго.

Кто изъ русской интелигенціи не знаетъ хотя бы по наслышкѣ объ этомъ замѣчательномъ человѣкѣ? Свѣтлое имя Т. Н. Грановскаго невольно связывается въ нашемъ представленіи съ эпохой возникновенія у насъ въ широкой публикѣ стремленія къ самообразованію, къ наукѣ. Грановскій, какъ наиболѣе выдающійся представитель этой полной какого-то особаго научнаго идеализма эпохи, навсегда останется однимъ изъ самыхъ памятныхъ и дорогихъ для нашего общества людей.

Онъ былъ современникомъ и другомъ Станкевича и Герцена. Онъ былъ однимъ изъ тѣхъ истинныхъ гуманистовъ, которые зажигаютъ и поддерживаютъ въ массѣ человѣчества яркій огонь идеала. Какъ ученый историкъ, сравнительно съ другими учеными Грановскій не отличался какими-либо особыми фундаментальными трудами и изслѣдованіями. Онъ многаго, попросту, и не успѣлъ сдѣлать, потому что поздно выступилъ на научное постижение и слишкомъ рано умеръ (всего 42 лѣтъ отъ роду). Но какъ профессоръ, какъ учитель молодежи, а, главное, какъ общественный дѣятель въ качествѣ ученаго популяризатора, Грановскій сдѣлалъ очень многое и оставилъ по себѣ въ науку и жизни крупный, нестирающійся слѣдъ. Онъ пробудилъ въ обществѣ любовь къ наукѣ и сдѣлалъ огромный вкладъ въ его духовное состояніе, а въ московскомъ университѣтѣ, где онъ профессорствовалъ, онъ положилъ начало тѣмъ славнымъ традиціямъ, которыми донынѣ славится этотъ университетъ.

Блестящій лекторъ — блестящій, несмотря даже на нѣкоторые недостатки произношенія и тихій голосъ, онъ увлекалъ свою аудиторию мастерскимъ изложеніемъ предмета, художественностью речи и совершенно новыми научными приемами. До Грановскаго научное преподаваніе истории сводилось къ простому пересказу событий или къ одностороннимъ тусклымъ характеристикамъ отдельныхъ историческихъ личностей. Грановскій же приводилъ въ восторгъ слушателей яркою индивидуальностью своихъ собственныхъ взглядовъ на историческую событий, острѣмъ критическимъ анализаомъ, а, главное, своимъ удивительнымъ умѣньемъ создавать

Т. Н. Грановскій. По поводу 50-лѣтія дня кончины.

Могила князя С. Н. Трубецкого на кладбищѣ Донского монастыря въ Москвѣ. По фот. Горбова, авт. «Нивы».

истинно-художественные образы изъ ряда тѣхъ или другихъ историческихъ событий. Онъ обладалъ тѣмъ драгоценнымъ даромъ человѣческаго духа, который свойственъ только поэтамъ и художникамъ, и который можно назвать способностью къ художественному синтезу. Самымъ же драгоценнымъ талантомъ Грановскаго была способность пробуждать такие же качества въ другихъ.

Онъ пробуждалъ въ своихъ слушателяхъ всѣ истинно-научныя дисциплины: критический анализъ, умѣнье обобщать исторические факты и способность самостоятельно избирать пути къ ихъ изученію. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ поистинѣ заражалъ слушателей своей страстной любовью къ наукѣ и своей благородной идеей о значеніи исторіи, какъ прогрессивнаго движенія къ гуманности. Въ гуманности Грановскій видѣлъ единственную и конечную цѣль науки, и этотъ благородный девизъ вполнѣ оправдываетъ и объясняетъ тотъ яркій ореолъ идеализма, который донынѣ горитъ надъ его именемъ.

Т. Н. Грановский родился в Орле, в 1813 году, и получил высшее образование в петербургском университете. окончив в нем курс, он поступил в 1835 г. на службу в Морское министерство, но в 1837 году, чувствуя склонность к науке, оставил чиновническую деятельность и, по совету некоторых, поддержавших его, высокопоставленных лиц, стал готовиться к профессуре.

Как это ни странно, Грановский—этот блестящий историк,— еще на школьной скамье посвятивший свой досуг истории, окончил курс по юридическому факультету! Какая это яркая черта

Франции и рядъ характеристикъ отдельныхъ личностей (Тамерланъ, Людовикъ Великій и пр.). На лекціи эти собирались все лучшее московское общество того времени, т.-е. 1843—1851 годовъ, и онѣ пользовались колоссальнымъ успѣхомъ.

Къ сожалѣнію, Грановскій писалъ очень неохотно и поэтому оставилъ послѣ себя очень небольшое литературное наслѣдство. Кромѣ упомянутыхъ лекцій послѣ него остались лишь его магистерская диссертациѣ «О столицѣ вендовъ, Винетѣ», затѣмъ замѣчательное изслѣдованіе обѣ аббатъ Сугеріѣ («О происхожденій государства во Франції») и рядъ превосходныхъ статей («О родомъ быть у древнихъ германцевъ», «О судьбахъ Италии» и пр.). Остались также неизданные конспекты лекцій и записи слушателей Грановскаго. Вотъ и все. Остальное исчезло, какъ исчезаютъ драгоценныя ноты знаменитаго пѣвца, сошедшаго со сцены.

О Грановскомъ, впрочемъ, нельзя сказать, что онъ сошелъ со сцены. Да и все то, что исчезло, въ сущности, остается жить въ той массѣ знаний, методовъ и идей, которыя онъ вложилъ въ своихъ слушателей, а черезъ нихъ во всю нашу науку. Поэтому исчезла лишь оболочка, а суть осталась.

Небольшое наследство Грановского объясняется, какъ мы уже говорили, еще и тѣмъ, что онъ слишкомъ рано умеръ. На Грановскомъ еще разъ сказался грустный фатумъ, тяготѣющій надъ лучшими русскими людьми: почти всѣ они рано умирали, не свершивъ и половины того, что могли бы свершить.

На 50-летию Севастопольской обороны. Его Императорское Высочество Великий Князь Александръ Михайловичъ среди севастопольскихъ ветерановъ. По фот. Мазуръ.

для характеристики нашихъ русскихъ талантливыхъ людей, сплошь и рядомъ не умѣющихъ сразу найти свою настоящую дорогу!

Для подготовки къ профессорскому званію Грановскій отправился за границу и слушал лекціи по истории у тогдашнихъ немецкихъ знаменитостей: Ранке, Савини и Риттера. Вернувшись въ 1839 году въ Москву, онъ занялъ въ московскомъ университѣтѣ каѳедру всеобщей исторіи и съ первыхъ же дней приобрѣлъ огромную популярность среди студентовъ. Популярность его еще болѣе разрослась и сдѣлалась всеобщей, когда Грановскій сталъ читать публичныя лекціи. Онъ прочелъ три серии такихъ лекцій: курсъ исторіи среднихъ вѣковъ, сравнительную исторію Англіи и

Грановскій скончался 4-го октября 1855 года, едва успѣвъ вступить въ свое сорокалѣтіе и находясь въ полномъ расцвѣтѣ своихъ силъ и способностей.

Память о немъ никогда не умреть въ русскомъ обществѣ. Слишкомъ много принесъ онъ ему въ дарь новыхъ идей и задачъ. Но еще болѣе онъ памятенъ и дорогъ нашей наукѣ. Послѣ Грановскаго каѳедра всеобщей истории сдѣлалась въ московскомъ университѣтѣ какимъ-то священнымъ очагомъ, а изученіе этого предмета — обязательнымъ и главнымъ занятіемъ каждого студента-филолога. Такъ высоко поднялъ Грановскій русскую науку своимъ талантомъ и своей благородной личностью.

Учреждение Государственной Думы. (Окончание).

Медынскій	7	3	2	2
Мещовскій	6	2	2	2
Мосальскій	10	5	4	1
Перемышльскій	5	2	2	1
Тарусскій	4	1	1	2

16. Ніевская.

Кievskiy	20	7	6	7
Berdichevskiy	19	4	5	10
Vasyl'kovskiy	21	8	4	9
Zvezhigorskiy	19	8	6	5
Konevskiy	18	7	6	5
Lipovetskiy	14	5	6	3
Radomyslskiy	22	7	10	5
Skirovskiy	17	6	7	4
Taraçanskiy	16	7	5	4
Uman'skiy	22	9	6	7
Cherkasskiy	21	6	7	8
Ugirinskiy	16	6	6	4

17. Ковенская.

Koven'skij	13	2	4	7
Vil'komirskij	13	7	5	1
Novaaleksandrovskij	12	7	4	1
Ponewyžskij	13	6	6	1
Rossien'skij	14	6	6	2
Tel'ševskij	11	5	4	2
Šavel'skij	14	6	6	2

18. Ностромская.

Kostromskij	12	4	3	5
Buj'skij	5	2	2	1
Varnavinskij	8	3	4	1
Betluzhskij	8	2	5	1
Galicinskij	7	3	3	1
Kiniešemskij	9	1	2	6
Kologrivskij	7	1	5	1
Makarjevskij	9	4	4	1
Neretjinskij	10	4	2	4
Soligalicheskij	4	1	2	1
Chukhomskij	4	1	2	1
Juryevetskij	9	3	1	5

19. Курляндская.

Dobleneskij	7	2	1	4
Bauejskij	3	1	1	1
Vindavskij	4	1	1	2
Gazenpoteskij	4	1	2	1
Gol'dingenskij	4	2	1	1
Grobinskij	8	1	1	6
Illyuksteskij	4	1	2	1
Tal'seenskij	4	1	2	1
Tukkumskij	4	1	2	1
Fridrikhshadtskij	4	2	1	1

20. Курская.

Kurskij	9	5	3	1
Bjelgorodskij	11	5	2	4
Grajvoronskij	12	6	3	3
Dmitrijevskij	8	3	4	1
Korochanskij	11	8	2	1
Ljovskij	8	3	3	2
Novooskol'skij	10	6	3	1
Objaninskij	12	9	2	1
Putiv'jskij	11	3	5	3
Ryl'skij	11	3	3	5
Starooskol'skij	10	5	3	2
Sudzanskij	10	6	3	1
Timskij	9	6	2	1
Fatjekskij	8	5	2	1
Ščigrovskij	10	5	4	1

21. Лифляндская.

Rižskij	6	1	3	2
Valkskij	7	2	3	2
Vendenskij	7	3	3	1
Beršorskij	6	2	3	1
Vol'marskij	8	3	4	1
Perovskij	6	2	2	2
Felinskij	6	3	2	1
Žežel'skij	4	2	1	1
Juryevskij	11	3	4	4

22. Минская.

Miński	17	4	6	7
Bubrojskij	16	4	9	3
Borissowskij	15	6	8	1
Igumen'skij	15	3	10	2
Mozir'skij	12	3	7	2
Nowogrodskij	15	6	8	1
Pin'skij	15	4	9	2
Rječinskij	14	6	7	1
Slučskij	16	5	10	1

23. Могилевская.

Mogilevskij	10	2	4	4
Bjohovskij	9	4	4	1
Gomełskij	14	5	6	3
Gorec'kij	8	4	3	1
Klimovičskij	9	4	4	1
Mietislawskij	6	2	3	1
Orišanskij	11	4	6	1
Rogachevskij	14	5	8	1
Sčininskij	11	4	6	1
Čaūsskij	7	3	3	1
Čerikovskij	10	3	6	1

24. Московская.

Moskovskij	10	1	1	8
Bogordeskij	14	1	1	12
Broniцkij	9	2	1	6
Berejinskij	5	1	1	3
Volokolamskij	5	2	1	2
Dmitrovskij	8	1	1	6
Zvenigorodskij	6	2	1	3
Kliniskij	7	1	1	5
Kolomeneskij	8	1	1	6

Možaiskij	3	1	1	1
Podolskij	6	1	1	4
Ruzskij	3	1	1	1
Serpukhovskij	8	1	1	6

25. Нижегородская.

Nizhegorodskij	8	4	2	2
Ardatovskij	8	2	4	2
Aramasinskij	8	5	2	1
Balažinskij	8	1	2	5
Vasil'evskij	8	4	3	1
Gorbatovskij	8	3	3	2

26. Новгородская.

Novgorodskij	12	4	5	3
Borovskij	10	3	6	1
Bélzovskij	7	1	5	1
Valdajskij	6	2	3	1
Demianskij	5	2	2	1
Kirillovskij	8	4	3	1
Krestec'kij	7	2	3	2
Staropruskij	12	7	3	2
Tikhvin'skij	8	1	6	1
Ustyuzhenskij	7	1	5	1
Čerepovetskij	10	4	4	2

27. Олонецкая.

Petrozavodskij	11	5	1	5
Vytegoreskij	7	3	2	2
Karpotinskij	11	9	1	1
Lodejnojopol'skij	6	3	2	1
Olonetskij	6	2	1	3
Pov'jeneckij	4	2	1	1
Šužorskij	5	3	1	1

28. Оренбургская.

Orenburgskij	36	9	7	13
Berejneuralskij	15	4	5	3
Orskij	15	8	2	1
Troitskij	12	1	6	1
Čeljabinskij	27	14	7	1

29. Орловская.

Orlovskij	8	4	3	1
Boljovskij	8	4	3	1
Brianskij	13	4	5	4
Dmitrovskij	7	3	3	1
Elećkij	17	8	5	4
Karačevskij	8	4	3	1
Kromskij	7	4	2	1
Liven'skij	18	11	6</td	

42. Таврическая.				45. Тульская.				Одесской.				49. Черниговская.					
Симферопольский	10	1	3	6	Тульский	6	2	2	2	12	4	7	1	12	4	7	1
Бердянский	21	16	2	3	Алексинский	4	2	1	1	16	5	8	3	150	50	69	31
Днепровский	14	5	8	1	Богородицкий	9	4	3	2	9	5	2	2	10	4	3	3
Евпаторийский	5	1	2	2	Былевский	4	2	1	1	9	3	3	3	10	4	4	2
Мелитопольский	26	16	7	3	Веневский	6	3	2	1	9	4	3	2	10	4	3	3
Перекопский	5	1	3	1	Епифанский	7	3	3	1	9	5	2	2	9	2	6	1
Иллинский	6	1	2	3	Ефремовский	9	4	4	1	10	4	3	3	10	4	4	2
Феодосийский	9	1	4	4	Каширский	4	1	2	1	9	4	3	2	9	2	6	1
	96	42	31	23	Крапивенский	6	2	2	2	10	4	3	3	10	4	4	2
43. Тамбовская.					Новосильский	5	2	2	1	11	4	3	4	11	4	3	4
Тамбовский	28	13	10	5	Одоевский	6	2	3	1	11	5	3	3	10	7	2	1
Борисоглебский	21	13	6	2	Чернский	6	2	3	1	11	4	4	3	11	4	3	3
Елатомский	9	4	4	1		76	32	29	15	12	4	7	1	12	5	8	3
Кирсановский	18	8	9	1	46. Уфимская.					150	63	50	37				
Козловский	23	13	7	3	Уфимский	25	8	11	6								
Лебедянский	10	6	2	2	Белебеевский	29	19	7	3								
Липецкий	11	5	2	4	Бирский	33	25	6	2								
Моршанский	18	8	7	3	Златоустовский	12	5	2	5								
Спасский	8	6	1	1	Мензелинский	29	20	5	4								
Темниковский	9	3	4	2	Стерлитамакский	22	11	5	6								
Усманский	14	9	4	1		150	88	36	26								
Шацкий	11	4	6	1		11	5	3	3								
	180	92	62	26		10	3	2	5								
44. Тверская.																	
Тверской	11	2	1	8													
Вязецкий	17	9	6	2													
Весьегонский	10	5	4	1													
Вышневолоцкий	12	4	5	3													
Зубцовский	7	3	3	1													
Калязинский	8	4	2	2													
Кашинский	8	4	2	2													
Корчевский	8	3	3	2													
Новоторжский	10	4	3	3													
Осташковский	9	3	5	1													
Ржевский	10	3	3	4													
Старицкий	10	5	4	1													
	120	49	41	30													

Приложение к статье 38-й.

Правила о порядке производства выборов в городские избирательные собрания.

1. Избирателям каждого избирательного участка предоставляется, в течение месяца со дня, назначенного для выборов, образовывать для съезжания о лицах, достойных быть избранными, особых подготовительных собраний. О времени и месте таких собраний избиратели заявляют начальнику местной полиции, который может назначить для присутствования въ собрании одного из подведомственных ему чинов.

2. На подготовительном собрании могут присутствовать лишь избиратели данного избирательного участка. По требованию представителя полиции, собрание должно быть немедленно закрыто.

3. Выборы производятся въ помѣщениихъ, отводимыхъ для сего городского управления, по возможности, въ предѣлахъ избирательного участка.

4. Каждый избиратель лично вручаетъ свою избирательную записку предсѣдателю избирательной комиссии.

5. Въ запискѣ указываются имена, отчество и фамилии лицъ, за которыхъ избиратель подаетъ голосъ, въ числѣ, не превышающемъ общаго числа подлежащихъ избранию по каждому участку. Въ запискѣ не должно быть никакихъ отмѣтокъ, знаковъ, а равно исправлений и подчистокъ ни на лицевой, ни на обратной сторонахъ; записки, не удовлетворяющія означенному требованию, признаются недѣйствительными.

6. Имя лица, предлагаемаго въ выборщики, не должно повторяться въ одной и той же избирательной запискѣ. Подобная повторенія, а равно имена лицъ, предложенныхъ въ выборщики сверхъ положенного на участокъ числа, считаются помѣщеніемъ до девяти часовъ записи именъ, при подсчетѣ голосовъ въ соображеніе не принимаются.

7. Выборы продолжаются одинъ день, съ девяти часовъ утра до девяти часовъ вечера, и производятся одновременно во всѣхъ избирательныхъ участкахъ. Въ девять часовъ вечера допускъ избирателей въ помѣщеніе избирательной комиссии для подачи избирательныхъ записокъ прекращается, отъ прибывшихъ же въ это помѣщеніе до девяти часовъ записи принимаются до тѣхъ поръ, пока не будуть поданы всѣми находящимися въ помѣщеніи.

8. Предсѣдатель избирательной комиссии, принявъ отъ избирателя записку, тотчасъ же, въ присутствіи послѣдняго, опускаетъ ее въ особый ящикъ чрезъ отверстие, продѣланное въ крышѣ. Ящикъ этотъ, предварительно принятія записокъ, предѣляется присутствующими избирателями для достовѣрнаго въ томъ, что онъ пустъ и не имѣтъ отверстий, кроме предписаннаго для опускания записокъ. Затѣмъ ящикъ закрывается на замокъ и опечатывается печатью предсѣдателя, а ярлыкъ, на который наложена печать, подписывается предсѣдателемъ, членами избирательной комиссии и желающими изъ числа присутствующихъ при этомъ избирателей.

9. Подсчетъ голосовъ производится, начиная съ слѣдующаго по окончаніи выборовъ дня, съ девяти часовъ утра до девяти часовъ вечера, въ засѣданіи избирательной комиссии, въ которомъ могутъ присутствовать избиратели.

10. По вскрытии избирательного ящика, каждая избирательная записка пронумеровывается и, если она удовлетворяетъ указаннмъ въ статьѣ 5 требованіямъ и не возбуждаетъ сомнѣній среди членовъ комиссии, то званіе, имя, отчество, фамилия и номеръ по избирательному списку каждого лица, обозначенаго въ запискѣ, прочитываются и, по крайней мѣрѣ, двумя членами комиссии заносятся каждымъ на особыхъ карточкахъ. Каждая такая карточка подписывается лицомъ, ее составившимъ. По вынутіи изъ ящика и просмотрѣ всѣхъ записокъ, комиссія обсуждаетъ записки, вызвавши сомнѣнія, и о принятомъ ею рѣшеніи, а равно объ основаніяхъ признанія записокъ недѣйствительными, составляютъ особый протоколъ, подписываемый предсѣдателемъ и членами комиссии. Затѣмъ карточки, въ кои внесены предложенный въ выборщики лица, располагаются по алфавиту указанныхъ въ нихъ фамилій и подсчитываются.

11. Если подсчетъ голосовъ не можетъ быть законченъ въ одинъ день, то, по составленіи протокола о числѣ записокъ: а) вынутыхъ изъ ящика, б) признанныхъ недѣйствительными, в) возбуждавшихъ сомнѣнія и г) прочитанныхъ, —означенныя записки, а равно карточки съ именами предложенныхъ въ выборщики лицъ складываются, соотвѣтственно роду записокъ и карточекъ, въ особые пакеты, опечатываются затѣмъ печатью предсѣдателя комиссии на ярлыкѣ, подписанномъ всѣми членами комиссии и желающими изъ числа присутствующихъ при этомъ избирателей. Тѣмъ же порядкомъ опечатываются и ящики съ невынутыми записками.

12. По окончаніи подсчета голосовъ и объявленіи именъ лицъ, предложенныхъ въ выборщики, составляется, за подписиемъ предсѣдателя и членовъ комиссии, протоколъ, въ который заносятся: а) число всѣхъ прочитанныхъ изъ ящика записокъ, б) число всѣхъ прочитанныхъ записокъ, в) число записокъ, признанныхъ недѣйствительными, ст. приведеніемъ оснований, къ тому послужившихъ, и г) списокъ лицъ, избранныхъ въ выборщики. Затѣмъ избирательные записки и карточки запечатываются въ особые пакеты.

13. Лица, избранные выборщиками, немедленно извѣщаются о томъ избирательной комиссіи и, если не заявятъ губернскому по дѣламъ о выборахъ комиссіи въ теченіе трехъ сутокъ со дня получения извѣщенія объ отказѣ отъ принятия званія избирателемъ, признаются привявшими это званіе. Въ случаѣ отказа избранного лица отъ принятия званія избирателя онъ замѣщается, съ соблюденіемъ того же порядка, слѣдующимъ по списку лицомъ, получившимъ наибольшее число голосовъ.

Пожертвование.

Съ 1-го по 30-е сентября включительно прислали въ редакцію пожертвование:

Въ пользу раненыхъ: служащіе при маг. О-ва потреб. въ г. Переяславль-Залесскомъ 12 р. 33 к.; по 1 р.: Н. П. М., В. В. Кривцовъ; свящ. о. Г. Мурзакъ 50 к.; П. Б. Борисовъ 22 к.

Въ пользу вдовъ и сиротъ: Н. П. М. 1 р.; А. В. Смысловъ 50 к.

На усиление флота: М. В. А. 1 р.

Итого 17 р. 55 к., и процентовъ за 1-ое полугодие 1905 г. 18 руб. 22 к., а съ прежде поступившими 19.454 р. 70 к.

Содержание. ТЕКСТЫ: Испорченная натура, Повѣсть кн. М. В. Волконской. (Продолженіе).—Къ портрету А. Ф. Маркса. Стих. Б. Никонова.—Маленький лѣчникъ.—Учрежденіе Государственной Думы. (Окончаніе).—Пожертвование.—Объявленіе.

РИСУНКИ: Адольфъ Федоровичъ Марксъ.—Серенада.—Здѣсь бой кипѣлъ.—Юбилейная выставка въ память 50-лѣтія Севастопольской обороны. 1) Видъ зданія выставки въ саду Народного дома Императора Николая II, въ С.-Петербургѣ. 2) Студенты на войнѣ.—Въ авангардѣ Землянскаго армѣскаго корпуса, во время наступленія японцевъ.—Развлечения нижнихъ чиновъ на войнѣ. 1) Стрѣлкы Станиславъ, бывшій артистъ театра "Соловьевъ" въ Кіевѣ, декламируетъ малороссійскій стихотворенія. 2) Старший унтер-офицеръ 9 роты 22 Восточно-Сибирскаго стрѣлковаго полка Рейнгольдъ Бухгольцъ, бывшій до призыва атлетомъ въ циркѣ, развлекаетъ своихъ товарищей-однородотцевъ.—Первые выборные ректоры нашей высшей школы. 1) Профессоръ М. Курловъ. 2) Профессоръ В. А. Фаусекъ. 3) П. Офесекъ кн. А. Гагаринъ. 4) Профессоръ П. С. Косовичъ. 5) Профессоръ А. Е. Лагорио. 6) Профессоръ В. Я. Косяковъ.—Т. Н. Грановский.—Могила кнзя С. Н. Трубецкаго на кладбищѣ Донского монастыря въ Москвѣ.—Къ 50-лѣтію Севастопольской обороны. Его Императорское Высочество Великий Князь Александръ Михайловичъ среди севастопольскихъ ветерановъ.

Къ этому № прилагается: „Полнаго собранія сочиненій А. Н. Шеллера-Михайлова“ книга 44.

Редакторъ-издат. Л. Ф. Марксъ.

Редакторъ В. Я. Свѣтловъ.